

ВИТАЛИЙ ПРОТОВ

ВЕЧНАЯ
ИСТОРИЯ

Виталий Протов

Вечная история

издательский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=166787

Современная эротическая проза: Продолжение Жизни; 2004

ISBN 5-94730-044-3

Аннотация

«Путь из Бьюканана, штат Теннесси, до Вирджинии-Бич занял у них целый день, и они приехали в гостиницу к вечеру если и не усталые, то, во всяком случае, не расположенные ни к чему, кроме небольшого ужина и сна. По крайней мере, на этом настаивали родители, и Джон сломался под этим напором аргументов и силы, а после посещения ресторана улегся в постель и, к своему удивлению, тут же уснул...»

Содержание

Рассказ	4
Суббота	4
Воскресенье	18
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Виталий Протов

Вечная история

Рассказ

Суббота

Путь из Бьюканана, штат Теннесси, до Вирджинии-Бич занял у них целый день, и они приехали в гостиницу к вечеру если и не усталые, то, во всяком случае, не расположенные ни к чему, кроме небольшого ужина и сна. По крайней мере, на этом настаивали родители, и Джон сломался под этим напором аргументов и силы, а после посещения ресторана улегся в постель и, к своему удивлению, тут же уснул.

Они уже третий год приезжали сюда летом – понежиться на солнышке, поваляться на бережку океана. Когда они приехали сюда в первый раз, Джону было чуть больше одиннадцати, и с высоты своих нынешних пятнадцати с небольшим лет он посматривал на те далекие годы, как на безвозвратное прошлое, в котором он был глупым, ничего не понимающим ребенком. Хотя, именно в ту первую поездку, когда он был еще сопливым мальчишкой, и стали у него появляться первые вопросы, правда, в то время еще не такие живо-

трепещущие, какими они стали приблизительно год спустя. Но именно тогда длинноногие девушки, одетые в купальные костюмы, почти не оставлявшие сомнений относительно того, как выглядят части тела, которые должны быть закрыты ими, стали впервые приковывать его взгляд. Это происходило помимо его воли, но он своим детским сознанием понимал, что, разглядывая эти ноги, уходящие в поднебесье, эти непонятно почему вызывающие у него истому округлости, он нарушает некий запрет. Поэтому он скрывал свой интерес, а делать это было тем труднее, что именно тогда впервые у него в штанишках требовательно зашевелился петушок, который прежде извлекался исключительно для того, чтобы окропить желтой водичкой зеленую травку – большую часть дня проводил он на лужайке за их домом или за домами многочисленных школьных приятелей, которые в те далекие времена тоже не задумывались о каком-либо ином назначении своих петушков.

Ему нравилось приезжать сюда, на берег океана, нравился этот горячий песок, эти волны, на которых можно раскачиваться и раскачиваться бесконечно. Но больше всего ему стала нравиться эта обстановка раскованности, в которой нередко удавалось подсмотреть сцены, щекотавшие его воображение. То вдруг порыв ветра вздернет до неприличия юбку на какой-нибудь девице, которую, впрочем, это нисколько не смутит, то вдруг увидит он, как парень обнимет лежащую рядом с ним на песочке девушку, положив уверен-

ную руку на холмики груди, то вдруг в кабинке для переодевания бросится ему в глаза окровавленный тампон, который неизвестно почему вызовет у него прилив недоумения и жгучего любопытства. Нигде в других местах не возникало у него столько вопросов, нигде не царила такая атмосфера, чреватая чем-то запретным, волнующим, нигде вдруг не перехватывало у него горло каким-то смутным предчувствием. Поэтому он так ждал этих поездок, хотя в последнее время и стал предпочитать компанию друзей родительскому обществу. Родители, конечно, оставались родителями. Эта мелочная опека, всевозможные запреты, забота о его здоровье – все это доставало его до невозможности, но он терпел эти неудобства ради шального духа Вирджинии-Бич, где, казалось ему, возможно все. Где, говорило ему предчувствие, получит он наконец то, чего так жаждет все его тело, вся его душа.

Вот и сегодня, ложась по настоянию родителей спать, он, погрузившись в забытие, сразу же увидел сон, в котором действовал, как опытный соблазнитель, как покоритель женских сердец. Он целовал девушек, трогал их за всякие интимные места, а они искали его внимания, требовали его ласк. Правда, тут у него что-то не ладилось. Он не очень представлял себе кульминацию этих ласк, хотя и насмотрелся интернетовских картинок всякого рода. Он не очень представлял себя в роли интернетовского героя, который в окружении трех-четырех девиц не тушевался, а получал удовольствие и умуд-

рялся доставлять его своим партнершам.

Сны его неизменно заканчивались тем, что он уединялся с предметом своих вожделений, а потом... потом...

– У него поллюции, – подслушал он как-то слова матери, разговаривавшей с отцом (в тот же день он отыскивал это слово в словаре). – Я вчера меняла ему белье.

– Ну что ж, – ответил отец, – у парня уже женилка подросла.

– Рано еще этому петушку клевать, – раздался голос матери.

Он почему-то испытал жгучий стыд, словно был виновен в каком-то преступлении. Он стеснялся этих пятен на простынях, но ничего не мог с собой поделать. Просыпаясь, он нередко ловил себя на том, что сон – сном, а его руки продолжают жить своей жизнью, дополняя эфемерные ощущения сна вполне реальными действиями. Он, конечно, был подвержен детскому греху, но грешил осознанно, хотя и ругая себя за это. А вот этот неосознанный грех иногда становился у него поводом для самобичевания. Ему казалось, что он не такой, как другие, что он порочен, и этот порок ставит его вне общества, а в будущем сделает его изгоем, потому что... потому что... Он не знал почему, но был уверен, что ни к чему хорошему это не приведет, хотя снова и снова ловил себя на том, что его рука, пока он спит, живет независимой от него жизнью, отчего его призрачные похождения во сне оставляют на простынях отнюдь не воображаемые пятна.

Он проснулся. Кондиционер плохо справлялся со своей задачей, и в его комнате было душновато. Но проснулся он не от этого: он снова поймал себя на том, что его рука шалит, гладит и без того взволнованного петушка.

Черт! Привязалось к нему это детское словечко – петушок! Впервые он его услышал от матери (отец почему-то никогда не пользовался им, находил другие словечки, за которые получал тычки от жены, одновременно вытягивавшей шею в направлении Джона: мол, не надо при ребенке), когда у него разболелась эта штука – воспалилось под крайней плотью. Наверное, отец не очень хорошо растолковал ему правила гигиены. Как ни странно, мать на этот счет была осведомлена лучше отца. И даже слова кой-какие знала. «Петушок», – сказала она, и с тех пор это словечко время от времени повторялось в доме. Отец, услышав его, делал уничижительную гримасу, и, может быть поэтому, Джон, хотя и привык к этому слову-заменителю, так и не пустил его в свой разговорный словарь. Он пользовался им только в своих бесконечных внутренних монологах.

Петушок теперь стал молодым петухом и здорово досаждал ему в последние два-три года. Иногда Джону приходилось проявлять чудеса изобретательности, чтобы скрыть эту неугомонную домашнюю птицу, которая в самые неподходящие моменты проявляла крайнее любопытство и делала попытки выглянуть на свет божий. По ночам этого негодяя не сдерживал никто и ничто, и он вел себя отвратительно. Вот

как и в эту ночь.

Сон окончательно прошел, и Джон вспомнил, как перед отъездом, выдавливая перед зеркалом неизвестно откуда взявшийся прыщик на щеке, дал себе зарок: он становится взрослым, и со всеми эти детскими грехами завязывает. Ну, по крайней мере, на эту поездку уж точно. А потому теперь он заставил себя встать, пройти в ванную и ополоснуть лицо. Потом он натянул на себя джинсы, заглянул на всякий случай в соседнюю комнату, а когда убедился, что родители безмятежно спят, вышел в коридор гостиницы. Электронные часы в дальнем углу показывали всего час ночи. Он-то думал, что уже скоро вставать, а оказывается еще придется ложиться – не будешь ведь шлаться по коридору до утра. Тем не менее, он спустился по лестнице вниз, прошелся по вестибюлю, где при его появлении насторожился сонный портье. Впрочем, портье так или иначе предстояло проснуться, потому что входная дверь открылась и в вестибюль вошли двое: женщина возраста его матери и с нею девчонка его лет, а может быть чуть старше или младше. Кто их разберет? Джон отметил, что у девчонки уже есть все, что надо – под футболочкой, натянутой, кажется, прямо на голое тело, торчали вполне приличные штучки. Он бы с удовольствием их помацал, сказал он себе, словно бы репетируя то, что будет рассказывать через две-три недели своему школьному другу Чарльзу. И еще добавил он чужими словами (он не слышал их от старшеклассников): «Вот этой я бы вставил».

Девчонка, и правда, была ничего – высокая, стройная, с привлекательным личиком под прямыми спадающими на плечи волосами. «А может быть...» – он не стал дальше развивать эту мысль. К чему фантазировать? Нужно действовать. Чтобы рассказывать приятелю не выдуманные похождения, а действительный случай из жизни бывалого мужчины, который может поведать не одну историю подобного рода.

– Мы заказывали номер, – услышал он голос женщины. – Миссис Уайт.

– Да, мэм, – сказал портье. – Вот заполните, пожалуйста, бланк. Ваш номер 225.

У Джона сильнее застучало сердце. Всего несколько часов назад этот тип выдал их семейству ключи от номера 224. Он увидел в этом знак судьбы. Девчонка будет его соседкой, а это значит... Это значит... Он не знал, что это значит, но был уверен, что звезды за него. Женщина заполнила бланк, взяла ключи, смерила Джона оценивающим взглядом, потом сказала:

– Джуди, идем за вещами.

Видимо, она хотела от него именно то, что он и сделал в следующее мгновение.

– Мэм, позвольте я помогу вам. Мы с родителями тоже сегодня приехали. Наш номер 224. И мне совсем не трудно. Теперь на него оценивающе посмотрела и девчонка.

– Спасибо, – сказала женщина. – Это очень любезно с тво-

ей стороны.

– Меня зовут Джон, – представился он.

– Миссис Уайт, – сказала она. – А это Джуди. Моя дочка.

Джуди вежливо кивнула ему, он – ей. Пока между ними не было сказано ни слова. Они вышли во влажную прохладу ночи, прошли метров пятьдесят до припаркованной машины, потом миссис Уайт извлекла из багажника чемодан и три сумки. Большая часть груза досталась ему. Но он не сетовал – демонстрировал свою мужскую силу. Они молча дошли до лифта, поднялись на второй этаж. У номера 225 Джон поставил чемодан и сумку.

– Мы, наверно, еще встретимся, – неуверенно сказал он.

– Непременно, – с кислой миной сказала миссис.

Джуди улыбнулась ничего не значащей дежурной улыбкой. Миссис Уайт отперла дверь, и через секунду Джон остался в коридоре один. Часы показывали половину второго. Впереди была вся ночь, и он отправился досыпать.

Джуди приезжала в Вирджинию-Бич во второй раз. В прошлом году они были здесь втроем – отец смог выкроить неделю из своего плотного расписания. На этот раз у него не получилось, и они с матерью собрались вдвоем, потому что им понравилось здесь – ленивая жизнь, немилосердное солнце, от которого через несколько дней их кожа становилась шоколадной. И вообще вся здешняя обстановка, хотя и неспешная, обещала, как казалось Джуди, всевозможные романти-

ческие приключения.

Романтические приключения уже года три не выходили у нее из головы. Это началось даже раньше того дня, когда она (хотя и неоднократно предупрежденная о том, что с ней должно это случиться) прибежала к матери с бледным испуганным лицом и дрожащими губами.

– Ма, со мной что-то случилось. Что-то нехорошее. Я боюсь. Сначала просто тянуло там, внизу живота, а теперь... Теперь... Ма, у меня там кровь, – и она зашлась в рыданиях.

Реакция матери удивила ее.

– Ах ты моя дурочка! Я же тебе сто раз говорила. Ничего страшного. Просто ты повзрослела.

Мать еще раз принялась объяснять ей все с начала. Но она не слышала. Вернее, слушала, но не слышала. Потому что ей не хотелось слышать. Потому что ей вдруг стало жалко, что она уже не будет такой, как прежде. Наконец, слова матери стали доходить до нее.

– Ну, вот и снесла твоя курочка яичко! – с улыбкой сказала ей мать. – Придется привыкать – раз в месяц тебе предстоит несколько не самых приятных дней. Детство кончается. Скоро ты станешь настоящей женщиной.

Ей ужасно не понравилось слово «курочка». Мать тогда использовала его впервые, но после того случая оно возникало еще не раз и понемногу перестало резать слух. Курочка доставляла ей все больше и больше хлопот. И не только связанных с той неделей раз в месяц. Эта птичка дава-

ла о себе знать каждый день. Она требовала к себе внимания, не давала уснуть, заставляла вдруг останавливаться на улице, чтобы не упустить сценку, которая еще год-два назад не вызвала бы у нее никакого интереса. И еще: Джуди теперь (когда дома не было родителей) могла часами просиживать перед компьютером, разглядывая картинки с интернетовских сайтов, от которых у нее перехватывало дыхание. Курочка ее при этом начинала квохтать, отчего трусики увлажнялись. К сожалению, на этих картинках преобладали красотки, демонстрирующие свои прелести. Это ее мало интересовало. Но вот когда на картинке появлялась обнаженная мужская фигура с торчащим... торчащим... Она не могла подобрать подходящего слова для этого органа, на который взирала, словно зачарованная. Она видела, как выглядит эта штуковина на античных статуях, когда родители возили ее в Нью-Йорк, где они час провели в музее Метрополитен. Но на этих картинках все было по-другому. Здесь эта штуковина приобретала совершенно иную форму и размеры и, вероятно, переставала быть мягкой, какими выглядели висячие орудия древних героев.

Не то чтобы Джуди была девочкой непросвещенной. Рассказы подружек в школе заполнили некоторые пробелы в ее образовании, но одно дело разговоры и совсем другое – реалии. Лучше сто раз увидеть, чем один услышать. Вот она и разглядывала эти картинки, а потом долго не могла уснуть, ворочалась в постели, трогала пальчиком свою курочку, ко-

торая живо откликнулась на эти прикосновения, и Джуди приходилось бежать в ванную, где стояло биде, чтобы ополоснуться.

А один раз... Она не очень любила вспоминать тот случай, хотя испытанное ею тогда чувство так закружило ей голову, что она хотела бы переживать его каждый день. Но она запрещала себе это делать, потому что было в этом что-то нехорошее – так ей казалось.

Это случилось года полтора назад. В школе к концу занятий она вдруг почувствовала, как у нее тянет вниз живота. События в тот день развивались быстрее, чем обычно, и не прошло и часа, как она поняла, что вся набухла и вот-вот протечет. Она едва дождалась конца занятий. Школьный автобус до их дома ехал обычно не больше пяти минут. Как сумасшедшая она выскочила из распахнувшихся дверей и понеслась домой. Проскочила в ванную, где тут же уселась на биде. И очень вовремя – еще чуть-чуть, и она и в самом деле протекла бы через свои тоненькие трусики и колготки. Приведя себя в порядок, она достала из шкафчика коробочку с тампонами (теперь такая коробочка была и у нее, хотя обязанность пополнять запас этих нехитрых средств по-прежнему оставалась уделом матери) и привычным уже движением поместила тампон в положенное место... И тут... Она словно задела какую-то струну – и та завибрировала, отдаваясь во всех уголках ее тела. Она ничего не могла с собой поделать. Прикусила нижнюю губу, словно прислушива-

ясь к себе, словно спрашивая у себя: «Что ты хочешь?», а потом ухватила пальчиками за торчащий кончик тампона, извлекла его, чтобы тут же снова заполнить им образовавшуюся пустоту. И тело снова откликнулось – словно серебряные колокольчики зазвенели в ушах. Она чувствовала, что мышцы лица перестали ее слушаться, что у нее появилось какое-то немыслимое расплывшееся выражение. Она закрыла глаза и сделала еще несколько движений тампоном. С ней случилось что-то необыкновенное. Конвульсия невообразимого наслаждения свела ее тело. Всеми своими мышцами обхватила она этот жалкий ватный стерженек – такой тоненький, такой податливый... Слишком податливый. Она почти не чувствовала его...

Ей понадобилось минут десять, чтобы успокоиться. В конце концов она заменила пришедший в полную негодность тампон на новый и вышла из ванной. Дома еще никого не было, и она до приезда матери пролежала у себя в комнате перед телевизором. Месячные в этот раз протекали у нее бурно – она пачками глотала аспирин, чтобы снять терзающую ее боль, в школе была необщительной, а приходя домой, сразу же ложилась. Она старалась не вспоминать тот случай и заставляла себя не делать того, что сделала в тот раз. Хотя иногда это ей и не удавалось.

В школе не было мальчишек, которые интересовали бы ее. Она всех их знала сто лет, и роман с кем-то из них восприняла бы как кровосмесительный (недавно она узнала это слово,

прочтя перевод книги какого-то немца; фамилию автора она забыла, помнила лишь название – «Хомо фабер»). А потому каждую поездку за пределы их маленького провинциального городка воспринимала как дар божий и всякий раз ждала, ждала, что вот теперь-то уж обязательно появится прекрасный принц, и...

До Вирджинии-Бич в этот раз они ехали долго и до места добрались уже ночью.

В холле Джуди увидела парня приблизительно ее лет. Несмотря на поздний час, он неторопливо прохаживался перед стойкой портье. Увидев Джуди, он остановился и разинул рот. Впрочем, тут же его закрыл и принялся делать вид, что сквозь огромные стеклянные окна разглядывает что-то в крошечной тьме тропической ночи. Джуди тоже не подавала виду, что парень с первого взгляда *показался* ей – высокий блондин с правильными чертами лицами. Сразу видно, что неглупый, – об этом говорили глаза, голубые, под длинными ресницами. Джуди, встречая нового человека, первым делом заглядывала ему в глаза.

Парень оказался настолько любезным, что помог им принести вещи из машины. Пожелав им спокойной ночи перед дверями их номера (по какому-то странному совпадению, его родители снимали соседний), он не ушел, пока дверь за ними не закрылась.

Обессиленная после долгого дня, Джуди поспешила принять душ и улеглась спать. Ей приснился парень из сосед-

него номера. Они вдвоем катались на машине, потом лежали на пустынном пляже. Потом парень поцеловал ее и положил руку на ее почему-то обнаженную грудь. Они ничуть не стеснялась своей наготы. Напротив, положив свою руку на его, она прижимала его к себе все сильнее и сильнее. Она проснулась оттого, что больно сдавила себе грудь, но тотчас же снова погрузилась в сон.

Воскресенье

Джон, хотя и собирался встать пораньше, проспал до десяти. А проснулся не потому, что проснулся – его разбудил отец.

– Быстро! Пятнадцать минут тебе на все про все, и чтобы был готов.

Ему хватило десяти. Они спустились в ресторан гостиницы, где был шведский стол. Джон недовольно сморщился, и отец дал ему десятку, показав пальцем на видневшийся сквозь окна Макдональдс. Джон умял там «Большой Мак» с невероятным количеством картошки фри, которую, правда, съел не всю, а прихватил остатки с собой и дожевывал по дороге. Взял еще и бутылочку колы. В десятку уложился, даже осталось еще доллара полтора. Он вернулся в ресторан гостиницы, где родители еще доедали какие-то жуткие салаты, запивая их чаем. Нет, положительно никогда им не понять друг друга. Наконец, их долгое застолье кончилось, и они поднялись в номер, чтобы одеться по-пляжному. Проходя мимо 225 номера, Джон задержался на секунду, прислушался, но за дверями стояла тишина, и он с сожалением решил, что его вчерашние знакомые спят после утомительной дороги.

На пляже они расположились почти у самой кромки океана, который был сегодня на удивление спокоен. Он лишь

словно дышал глубоко – вода отступала на фут-другой, а потом снова возвращалась почти к самой голове Джона, который любил чувствовать это дыхание.

Вчерашняя девчонка не выходила у Джона из головы. Жаль, он не успел как следует разглядеть ее. Но первое впечатление она оставила самое неплохое. Конечно, он судил только по внешности. Больше его ничто не интересовало. Да и существовало ли что-нибудь, кроме этого? Он даже не задавал себе этого вопроса, потому что в этом мире было только то, что его интересовало, а все остальное... Придет время и он, вероятно, задумается об остальном. А пока существовала эта девчонка, хотя вокруг были и другие. Вот, например, недалеко от него расположилось семейство – мама, папа, дочка и сын. Дочка очень даже ничего. Нет, просто очень даже хорошенькая. Он вытянул шею, надев предварительно темные очки. Хотя треугольничек спереди и закрывает самый аппетитный кусочек ее тела, она из-за этого вовсе не теряет своей привлекательности. Два других треугольничка такого же размера закрывали еще два лакомых кусочка. Хорошенький купальничек. Он заставил себя отвести взгляд в другую сторону, потому что его непоседливый петушок зашевелился в плавках. Но повсюду его глаза встречали полуобнаженные женские тела – такие влекущие, такие атласные, умощенные противозагарными лосьонами и мазями, они действовали на его зрачки, как магнит на железные опилки.

Он даже забыл о том, что первое его желание, когда голые ступни коснулись горячего песка, было броситься в воду. Теперь он вспомнил об этом и, сделав два-три шага, красиво нырнул, уйдя под воду с головой и вынырнув футов через десять. Он отработывал этот прием в школьном бассейне. Интересно, видел ли кто-нибудь его прыжок? Он проплавал минут пятнадцать, после чего вылез на берег и уселся, не вытираясь, на свой топчан.

Кстати, а где вчерашняя девчонка? Как ее – Джуди? Он, не вставая с топчана, повертел головой. Ни Джуди, ни ее матери поблизости не было видно. Зато он увидел кое-что другое. Может быть, даже ничуть не хуже. Поблизости лежала красotka лет, наверное, двадцати. Она постелила на топчан подстилку, улеглась на нее, а потом расстегнула на спине это... как же оно называется, ну верхнюю часть, которая прикрывает грудь, и вытащила ее из-под себя. Это чтобы на спине, когда она загорит, не осталось белой полосы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.